

Альманах

В Братстве
зажженной искры

Стихи и проза

Игорь Горич В Братстве зажжённой искры. Альманах. Выпуск 5

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=33397189

ISBN 978-5-4490-7518-5

Аннотация

Братство зажжённой искры (администратор, составитель – Игорь Горич) – литературное объединение на сайте www.litsovet.ru и альманах, начатый сборником в издательстве «Водолей» в 2011 году. Неэксклюзивные права на публикуемые тексты предоставляются авторами составителю. Если кто-то любит поэзию, то эта книга точно для него. Прекрасная подборка стихов и прозы. При этом все авторы разные, непохожие друг на друга.

В их числе и лучшие поэты современности.

Содержание

Авторские разделы	5
Евгений Витковский	6
Феликс Лукницкий	13
Конец ознакомительного фрагмента.	22

В Братстве зажжённой искры. Альманах. Выпуск 5

Стихи и проза

Иллюстратор Вячеслав Михайлин

Дизайнер обложки Алёна Подобед

Составитель Игорь Горич

© Вячеслав Михайлин, иллюстрации, 2018

© Алёна Подобед, дизайн обложки, 2018

ISBN 978-5-4490-7518-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Авторские разделы

Витковский Евгений. *Лирика двух столиц.*

Лукницкий Феликс. *Возраст решений.*

Валеев Равиль. *Крымский цикл.*

Григоров Амирам. *Бежать сквозь тамбур...*

Каган Виктор. *И остаётся только...*

Мощенко Владимир. *Эта строчка.*

Мельников Дмитрий. *Умер дед...*

Подобед Алена. *Я упал вчера с горы.*

Сухова Элина. *Человечки*

Грозный Александр. *Простые слова для осеннего джа-*

за...

Прашківська Лариса. *Сны о вечном.*

Гуревич Сева. *О фальши.*

Лукас Кристина. *Тридцатый век.*

Ярославович Андрей. *Пантомима слова.*

Пичугин Ярослав. *За край моста.*

Рослов Павел. *Знаете ли вы украинскую ночь?*

Ирбе Саша. *В час утра над Москвой.*

*Более подробную информацию об авторах можно найти в **Интернете**.*

Евгений Витковский

ЛИРИКА ДВУХ СТОЛИЦ

Тянется пятидесятый псалом,
еле мерцает лампада.
Перекрестились под острым углом
два Александровских сада.

Кружатся призраки двух городов,
кружатся в мыслях и датах
вальс петербургских двадцатых годов,
вальс москворецких тридцатых.

Ветер колеблет листву и траву,
и проступает ложбинка,
та, по которой неспешно в Неву
перетекает Неглинка.

Тени и света немая игра,
приоткрывается взору
то, как по Яузе ботик Петра
переплывает в Ижору.

Это два вечных небесных ковша,
это земная туманность,
это не то, чего просит душа,

это бессмертная данность.

Можно стремиться вперед или вспять,
можно застынуть угрюмо,
можно столицы местами менять —
не изменяется сумма.

Вот и рассвет, просыпаться невмочь,
и наблюдаешь воочью,
как завершилась московская ночь
питерской белою ночью.

Память неверная, стершийся след,
временность и запоздалость —
то, чего не было, то, чего нет,
что между строчек осталось.

Белая ночь обошла пустыри,
небо курится нагое.
Две повстречавшихся в небе зари
движутся на Бологое.

МИСТЕРИЯ ЛИВНЯ

Нет ни слова о них ни в каких фаблио:
не поверит в них ум ни один недалёкий:
всей-то жизни полдня им, несчастным и.о.,
им, доверчивым врию родной Самотёки.

Впрочем, если б не дождь, никому никогда не слышать бы о них даже сплетен на рынке, этих жутких быличек, о том, как вода превращается в море над руслом Неглинки.

Поначалу ручей, чуть попозже – река, этот ливень дорогу спешит обезбредить. В мутной пене плывет что-то вроде снетка, что-то вроде ерша – водопольная нежить.

Хлещет буря, куски облаков полоща, пляшет с молнией гром, как с сестрицею братец, не-голавль догоняет совсем-не-леща, рассекая косяк не-совсем-каракатиц.

Но плывет мелюзга, убедись да позырь: упражняется пена в пустом пилотаже, пробежал три вершка, да и лопнул пузырь, и со всеми другими история та же.

Но и той, уцелевшей в пути гольтьбе, что умчалась на юг, весь бульвар измазюкав, никуда не удастся нырнуть на Трубе — там шипит и кипит водовертье у люков.

И нырнувшим приходится быть начеку, у хозяев Неглинки не празднуют труса: в темноте предстает чужаку-новичку низовое болото, трясина, чаруса.

Под землей начинается путь в антимир:
здесь колодезник в черном безумье хохочет,
здесь балчужник для змей понастроил квартир,
здесь бакалденник зубы щербатые точит.

Только черту едва ли опасен шайтан,
никогда не воюет изнанка с исподом,
все растут пузыри, все вбирают метан,
все грозят на свиданку рвануть с кислородом.

Убирайся с дороги, соплю не топырь,
уползи за Можай от сливного колодца:
по Неглинке плывет исполинский пузырь,
и, похоже, вот-вот под Манежем взорвется.

Только пыжится это чудовище зря,
в небесах на восток уползли диплодоки,
оборвалась короткая жизнь пузыря,
и закончился дождь, и сухи водостоки.

...Водяные о чем-то своем в черневе,
успокоясь немного, бурчат неохоче,
и с трудом засыпают, и в Нижней Москве —
ни рассвета, ни дня, ни заката, ни ночи.

ГЕРМАН РОРШАХ. ДЕСЯТИКЛЕТКА. 1914

Храпит при капитанше генерал.
Поручики – при генерал-майоршах.
Россию местом жительства избрал
психолог Герман Ульрихович Роршах

Веснушчат россиянин, конопат,
скорее водки хочет, чем молебна,
а то, что он полнейший психопат —
так это психиатру и потребно.

Гардемаринш, полковниц и майорш
решил швейцарец изучить настырный:
у россиян в мозгах полнейший ёрш
у русских баб мозги – бурдюк чихирный.

У них мозги – прокисший маргарин,
короче, не мозги, а ужас тихий.
Майор, полковник и гардемарин
в России тоже безусловно психи.

В Россию доктор ехал с мыслью той,
что очень хороша у русских проза,
что здесь живет великий Лев Толстой,
которого оклеветал Ломброзо.

Я непременно здесь упомяну,

о том, как доктор угодил в ловушку:
он даже выбрал русскую жену,
и захотел в российскую психушку.

Страна врача душила, как питон.
Вскипела в нем фантазия больная,
и десять клякс запечатлел картон:
и каждая из них была двойная.

Скажите, что бы значило сие?
У пациента сердце обмирало
когда давили тяжким пресс-папье
капустницу, монарха, адмирала.

Тянули пациенты кто куда:
увидят двое – пятку, третий – ухо,
кому-то там мерещилась еда.
кому-то представлялась половуха.

Он так пытался стать незаменим,
и так не мог никак угомониться,
что ни одна не пожелала с ним
вязаться подмосковная больница.

Так подложили доктору свинью,
тут закипела в нем волна протеста:
он отвалил в Швейцарию свою
на прежнее насиженное место.

Тут хорошо бы кончить карнавал,
но не накинешь через пропасть мостик,
из коей на Россию наплевал
великий мастер психодиагностик.

Швейцария не Русь, и посему
России доктор – как на пятке чирей.
Похоже, что диагноз ни к чему
там, где царят шизуха и делирий.

Все – 2016

Феликс Лукницкий

ВОЗРАСТ РЕШЕНИЙ

Когда тебе – до сорока,
И ты не лодырь в языках,
И времени ещё – река
И даже море, —
Тебе на Запад путь открыт,
И там любое из корыт
По горло удовлетворит,
И даже боле.

...Но вот – и с English ты на *ты*,
И с прошлым сожжены мосты,
И ты дошёл до той черты,
Когда забота
О будущем – уже не гнёт,
И всё само собой идёт,
И у тебя приличный счёт,
И рядом *кто-то*...

Всё гармонично, Dear Sir,
Но жизнь порой, как пресный сыр,
И тянет в экс-СССР,
Где ты родился...
И взят билет. И ты летишь.
Не в Копенгаген, не в Париж.
И силуэт знакомых крыш
В окне явился.

Вот и посадка: Ленинград!
И сердце бьётся невпопад,
И ты смущён, и очень рад,
Что он на месте.
Ведь с детства в нём тебе знаком
И каждый мост, и каждый дом,
И Летний Сад... И в горле ком —
Вполне уместен.

1998.

ДОРОГА В ИЗЯСЛАВЛЬ¹

Сорок шестой... Из Шепетовки
Путь держим в воинскую часть.
Подводой – в тряской джигитовке —
Нам предстоит часов пять-шесть.

А в части той – кавалерийской
Служил двоюродный мой брат.
К нему нас – с некоторым риском
Отправил в лето Ленинград.

После голодных лет Блокады,
После бомбёжек и сирен, —
В садах белеющие хаты
Меня невольню брали в плен.

¹ Изяславль или Изяслав – древний городок, теперь – в Хмельницкой области Украины.

Телега нехотя скрипела,
А мама, косы распустив,
Украинские песни пела —
Дороге долгой супротив.

И звонко лился мамин голос
Среди окрестной тишины,
И уходил из клеток голод.
И больше не было Войны.

2004

* * *

«Я знаю – никакой моей вины...»

(А. Твардовский)

Я знаю – никакой моей заслуги,
Что пережил я засухи и вьюги,
Что высушили-вымели страну.
Что выжил и в Блокаду, и в Войну.

Что я прошёл Науки путь тернистый
Наперекор апологетам расы чистой,
И в крутизне, когда себя искал
(И находил), я не соскальзывал со скал...

И вот – к последнему уже причалил брегу,
И бес в ребро, и поклоненье Бегу.
Ведь с детства Бег – моё второе «я»...
Пожалуй, в этом лишь заслуга есть моя.
1999

* * *

«Укажи мне только лишь на глобусе...»
(Из песни)

*«Но ещё таких пунктиров нету,
По которым нам бродить по свету.»*
(Из другой песни)

На Дюссельдорфшине моих друзей-знакомых, —
Пожалуй, с дюжину, а может быть, и больше.
Плюс в Новой Англии – с десятков чтут законы,
Плюс – в Калифорнии, и плюс – Янина в Польше.

А ведь по глобусу мы знали мир детально.
Под сенью лозунгов мы жили – не тужили.
Но были жёстки и незыблемо фатальны
Запреты – те, что нас с дет-сада окружили.

...Мы изменились: и свободны, и крылаты.
И нет *лишь* опыта свободного полёта.
Мы – без вины опять привычно виноваты,
И, как в былом, даём кормёжку анекдотам.

Так будьте счастливы, развешанные в мире,

Друзья-знакомые – «птенцы гнезда Петрова».
Ни километры не разделят нас, ни мили,
Вот только были бы подольше вы здоровы.
2000

ЧАК

Нине

Чак – камчатская лайка, годам к четырём —
Тепло прижался к моей щеке.
Хозяин Чака чудит за рулём,
Джип-турбо послушен его руке.

Позади вздремнули два рюкзака
(К перевалу взойдут на наших плечах).
До старта 12 км, а пока —
На рюкзаках возлежит Чак.

И пока – пассажирами мы, налегке,
А за окнами лес и дождь стеной,
Прижимается Чак к моей щеке.
Понимает: мы с ним – крови одной.

7.08.04 Камчатка

* * *

От вырубленных в корень колоннад,
Увезенных из Греции и Мальты

На стройки Рима, —
вееет странный хлад.

В отличие от нашего базальта
Или гранита. С ними мне тепло.
Мне с ними в Питере сродниться повезло.
2002

* * *

Фары тревожно и ощупью жгут темноту.
А луна не видна.

Что-то не спится под дождь.

Он по крыше шуршит, и ему я чуть внемлю.
Струи дождя – биссектрисой стекают по ромбу окна,
И почти вертикально уходят в голландскую землю.

Ветер ветвями окрестных деревьев сурово шумит...
Рейсовый – в ночь в Амстердам – это сонное царство.
Но на удачу мою, оказалось, – водитель наш тоже не спит,
И часа через три есть надежда – закончить мытарство.

Из репродуктора – магия Beatles приглушённо журчит.
Дождь-патриот по-голландски ритмично судачит.
Гнев его против незваных гостей – даже чуть нарочит,
Но отказа мне в визе, да и в уважении – это не значит.

2003

* * *

«... а те – далече...»

(А. Пушкин)

...А те, которые далече,
Разбросанные по Земле, —
Не склонные к словесной сече,
Но благосклонные ко мне, —

Мои стихи не судят строго.
Хотя могли б. Но для чего?..
У каждого – своя берлога,
Но все – за одного.

2005

* * *

Анри Волохонскому

Достопочтенный реб Анри,
вот мы и свиделись с тобою.
Под италийское вино,
в неторопливом тет-а-тет —
Перелистали сорок лет,
дарованные нам судьбою, —
Что были мы разлучены.
Но ей укора нет.

Да разве можно в два часа
вместить мытарства и победы,

И восхитительный ваш плов,
и фото-видео азарт...
Мы всё вместили в диалог,
не исключая и обеда,
И, провожаемый тобой,
я поспешил назад.

Надеюсь вновь я посетить
тебя и славное семейство.
Возможно, песенки твои
дуэтом мы споём.
Надеюсь, и для наших жён
у вас найдётся время-место —
Поговорить вдали от нас —
о женском, о своём.

Rexingen-Rastatt 19.05.05

* * *

В полдневный жар в долине Дагестана...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.